

ПСКОВСКИЙ РЕЕСТР (для М. Б.)

Не спутать бы азарт
и страсть (не дай нам
Господь). Припомни март,
семейство Найман.
Припомни Псков, гусей
и, вполнакала,
фонарики, музей,
«Мытье» Шагала.

Уколы на бегу
(не шпилькой — пикой!).
Сто маковок в снегу,
на льду Великой
катанье, говоря
по правде, сдуру,
сугробы, снегири,
температуру.

Еще — объятий плен,
от жара смелый,
и вязанный твой шлем
из шерсти белой.
И черного коня,
и взгляд, печалью
сокрытый — от меня —
как плечи — шалью.

Кусты и пустыри,
деревья, кроны,
холмы, монастыри,
кресты, вороны.
И фрески те (в пыли),
где, молвить строго,
от Бога, от земли
равно немного.

Мгновенье — и прерву,
еще лишь горстка:

припомни синеву
снегов Изборска,
где разум мой парил,
как некий облак,
и времени дарил
мой ФЭД наш облик.

О синева бойниц
(глазниц!). Домашний
барраж крикливых птиц
над каждой башней,
и дальше (оборви!)
простор с разбега.
И колыбель любви
— белее снега!

Припоминай и впредь
(хотя в разлуке
уже не разглядеть:
а кто там в люльке)
те кручи и поля,
такси в равнине,
бифштексы, шницеля,
долги поныне.

Умей же по полям,
по стрелкам, верстам
и даже по рублям
(почти по звездам!),
по формам без души
со всем искусством
Колумба (о спеши!)
вернуться к чувствам.

Ведь в том и суть примет
(хотя бы в призме
разлук): любой предмет
— свидетель жизни.
Пространство и года
(мгновений груда)
ответы на «когда»,
«куда», «откуда».

Впустив тебя в музей
(зеркальных зальцев),
пусть отпечаток сей
и вправду пальцев,
чуть отрезвит тебя —
придет на помощь
отдавшей вдруг себя
на миг, на полночь

сомнениям во власть
и укоризне,
когда печется страсть
о долгой жизни
на некой высоте,
как звук в концерте,
забыв о долготе,
— о сроках смерти!

И нежности приют
и грусти вестник,
нарушивши уют,
любви ровесник —
с пушинкой над губой
стихотворенье
пусть радует собой
хотя бы зренье.

лето 1964(?)